

ВОЕННОПЛЕННЫЕ-СЛАВЯНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ (по материалам Государственного архива Ульяновской области)

© 2018 г. Б. Дулатов

Остравский университет

E-mail: berikdulatov2014@gmail.com

Данная статья была разработана в рамках проекта

Моравско-Силезского края «Поддержка талантливых аспирантов Остравского университета», финансируемого из бюджета MSK (04544/2017/RRC)».

Статья затрагивает вопросы содержания военнопленных-славян австро-венгерской и германской армий в период Первой мировой войны в российской провинции, отношение к ним местных гражданских и военных властей, а также историю создания славянских национальных воинских формирований в составе русской армии.

The article tangles the issues of detention of the prisoners of war of Slavic origin from the Austrian-Hungarian and German armies during World War One in the Russian province. It examines attitude of the local civil and military authorities to them and the history of creation of Slavic national military units within the Russian army.

Ключевые слова: Первая мировая война, славяне-военнопленные, национальные воинские формирования.

Keywords: World War One, prisoners of war or Slavic origin, national military units.

DOI: 10.31857/S0869544X0000468-7

В ходе Первой мировой войны постепенно увеличивалось количество военнопленных в России, труд которых было решено использовать в разных сферах экономики. В столице и в российских регионах шел подготовительный процесс по реализации этой глобальной задачи. Так, например, в Симбирской губернии на официальном уровне 15 февраля 1916 г. прошло совещание, на котором рассматривался вопрос принятия «*дополнительного* (курсив мой. — Б.Д.) количества военнопленных» численностью 6 000 человек для распределения на сельскохозяйственные работы, т.е. в дополнение к уже имевшимся. Совещание регламентировало точное количество военнопленных по восьми уездам (от 400 до 1500 человек с учетом социально-экономических ресурсов каждого уезда). В соответствующей справке указывалось на наличие беженцев в губернии, из которых

40 % были трудоспособного возраста. Исходя из этого, губернские власти определили необходимость привлечения 5 560 военнопленных [1. Л. 6].

Характерно, что соответствующая проблема распределения и транспортировки военнопленных рассматривалась на государственном уровне. В частности, в телеграмме от 31 мая 1916 г. товарища министра земледелия губернским властям указывалось, что в случае наличия так называемых свободных военнопленных из числа выздоравливающих или новых на Симбирскую губернию предполагалось выделить до 2000 человек. С учетом соответствующих прогнозов автор телеграммы настойчиво рекомендовал принять меры для их приема и размещения. Основная административная нагрузка возлагалась на губернские земские управы, в обязанности которых входило информирование начальников сборного пункта военнопленных в Пензе и Главного управления Генерального штаба в Петрограде о возможных железнодорожных станциях и паромных пристанях, способных принять военнопленных с указанием конкретной даты. 2 июня 1916 г. состоялось Симбирское губернское совещание по вопросу о распределении между уездами новых партий военнопленных для использования на сельскохозяйственных работах, на котором присутствовали симбирский губернатор А.С. Ключаев, председатель губернской земской управы Н.Ф. Беляков, непреременный член Симбирского губернского присутствия В.Л. Персиянинов и председатели земских уездных управ [1. Л. 6]. Было достигнуто соглашение о распределении 2000 военнопленных по уездам в разном количественном соотношении, предполагалось также распределить около полутора сотен военнопленных из числа освобожденных от работ на земском цементном заводе по трем уездам. Члены совещания резюмировали несоответствие заранее заявленной цифры более 5000 человек и прибывающих 2000 военнопленных. Логичен вывод о невыполнении плана увеличения количества военнопленных на сельскохозяйственных работах в губернии.

Председатель Симбирской губернской земской управы камергер двора императорского величества Н.Ф. Беляков и секретарь Сергиевский обратились к симбирскому губернатору с письмом, в котором утверждали, что 2000 военнопленных для эффективных работ в полевых условиях явно недостаточно. Ссылаясь на аналитические данные начальников уездных земских управ они указывали на необходимость привлечения дополнительно 5 000 человек, которых следовало распределить по всем уездам. При этом, по их общему мнению, только в Карсунском уезде требовалось 2000 военнопленных, в Сызранском — до 1000, в Симбирском — до 500 человек и т.д. Кроме того, для скорейшего окончания строительства железной дороги на территории Курмышского уезда требовалось еще 600 военнопленных [1. Л. 68].

Симбирский губернатор обозначил данную проблему перед Министерством земледелия. Очевидно, подобные обращения исходили от руководителей других российских губерний. Подобная практика являлась не новой в период Первой мировой войны. Научный интерес представляет содержание ответной телеграммы симбирскому генерал-губернатору, датированной 5 июля, в которой указывалось, что на период 30 июня только в Дарницкий лагерь были доставлены 167 267 здоровых, пригодных для

работ военнопленных. Эта цифра была взята из отчетов начальника Штаба верховного главнокомандующего, главного начальника снабжения армии Юго-Западного фронта, главного начальника Киевского военного округа и начальника сборного пункта военнопленных «Дарница Киевская». В июньский период изначально по нарядам Министерства земледелия и Главного управления Генерального штаба в 32 губернии для участия в сельскохозяйственных работах предполагалось отправить 164 000 военнопленных. Через несколько недель дополнительно распределили еще 77 000 военнопленных. Таким образом, в целом только за один летний месяц планировалось отправить в разные губернии 240 000 человек. Предпочтение отдавалось губерниям, являвшимся основными поставщиками продовольствия и фуража для фронта и находившимся в непосредственной к нему близости, население которых несло особую трудовую повинность. Об этом сообщил автор почтотелеграммы на имя симбирского губернатора, объясняя, почему Симбирская губерния, находящаяся вдали от линии фронта, не могла претендовать на увеличение потенциальных работников из числа военнопленных [1. Л. 73].

С начала Первой мировой войны основная масса военнопленных концентрировалась в нескольких крупных лагерях. Одним из таких был лагерь под названием «Дарница Киевская». Согласно инструкции по транспортировке, первоначально предполагалась отправка строго определенного количества военнопленных из «Дарницы Киевской» на станции Симбирск, Сызрань, Инза, Алатырь, Ардатов и Ибреси. Начальники уездных земских управ обязывались их принять и отчитаться перед начальником сборного пункта [1. Л. 19].

Интересен именно список тысячи военнопленных, отправленный начальником сборного Дарницкого лагеря симбирскому губернатору 22 сентября 1916 г., согласно которому на различного рода работы отправлялись только представители нижних чинов. Очевидно, офицерский корпус, по разным соображениям, представлял интерес для российских военных ведомств, и его отправка на подобные работы не практиковалась. Прибывшие же в Симбирск до пленения служили в более чем четырех десятках военных подразделений, имперских пехотных и гонведских (венгерских) полков. 114 человек имели звание фельдфебелей, старших и младших унтер-офицеров, в процентном соотношении они составляли 11,4 %. [1. Л. 89–105]. Можно предположить, что изначально военнопленные в Дарнице группировались по принадлежности к конкретной войсковой единице, т.е. сохраняли принцип объединения по национальному и территориальному признакам, существовавший задолго до сдачи в плен. Этого же принципа придерживались российские власти, распределяя военнопленных по губерниям, в том числе в Симбирскую.

Таким образом за длительный период пребывания в Дарницком лагере у этих солдат сложился свой особый психологический микроклимат и своеобразные взаимоотношения в зависимости от принадлежности к определенным полкам, поэтому на момент распределения в Симбирск или какой-либо другой административный центр эти военнопленные были хорошо знакомы друг с другом. По всей видимости, подобная модель

распределения военнопленных по усмотрению имперских властей являлась наиболее эффективной с целью контроля и организации их труда на различных хозяйственных объектах.

По национальному составу военнопленные распределялись следующим образом: чехи — 2 человека (0,2 %), болгары — 3 (0,3 %), словаки — 4 (0,4 %), румыны — 78 (7,8 %), немцы — 246 (24,6 %), мадьяры — 667 (66,7 %) человек [1. Л. 89–105]. Хотя большинство составляли мадьяры (венгры), следует иметь в виду, что многие словаки называли себя венграми, исходя из государственной принадлежности.

Война была в самом разгаре. Примечательно, что к 1916 г. многие чехи, равно как и представители ряда других славянских народов из австро-венгерской и германской армий, добровольно сдавались в плен и, в отличие от венгров и немцев, выразили желание сражаться в составе российских войск в различного рода национальных подразделениях. К сожалению, в источниках не указывается на основании каких критериев проводилась фильтрация военнопленных и их отправка в Симбирск. Однако представленные выше данные подтверждают факт отправки солдат-неславын австро-венгерской и германской армий в губернии, находящиеся в отдалении от фронта.

Профессиональная специализация военнопленных представлена следующим образом: крестьян всего 702 человека, из них венгров — 525, немцев — 100, румын — 72, словаков — 2, болгар — 3. Столяров-венгров — 21, немцев — 2, румын — 1, сапожников-венгров — 16, немцев — 9, румын — 1, купцов-венгров — 16, немцев — 11, рабочих-венгров — 10, немцев — 39 и так далее [1. Л. 89–105].

Процедура охраны и распределения военнопленных строго регламентировалась. На руководство каждой административно-территориальной единицы губернии возлагалась ответственность за формирование охраны военнопленных из расчета один стражник на десять пленных [1. Л. 54]. Несмотря на это случались и побег пленных, на что неоднократно указывалось в официальных документах. К осени 1917 г. подобные прецеденты приняли масштабный характер. Основными причинами побегов являлись неудовлетворительные условия труда и содержания задержанных на работах военнопленных. Официальные же структуры возлагали ответственность на местные власти, не обеспечивавшие должный контроль. Так, в ноябре 1917 г. был разослан циркуляр № 755 губернским областным и городским комиссарам Временного правительства и Главного управления по делам милиции по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан за подписью начальника Главного управления Балавинского, в котором указывалось на массовые побег военнопленных, особенно работавших в сельскохозяйственном секторе [2. Оп. 1. Д. 3. Л. 9]. К циркуляру прилагался список сбежавших с указанием фамилии, имени, отчества, национальности, возраста, подданства и примет, а также района побега [2. Оп. 1. Д. 3. Л. 10–12]. Руководителям всех уровней предписывалось обеспечить действенный надзор за всеми военнопленными и принять эффективные меры для задержания беглецов с последующей передачей их в военное ведомство. Очевидно, таких списков было несколько

с учетом увеличившегося числа побегов. Согласно списку из 300 военнопленных германской, австрийской и турецкой армий возраст военнопленных в основном составлял 25–38 лет. Встречаются единичные случаи наличия военнопленных старше 40 лет, имелись и более молодые люди.

Национальная принадлежность в данном списке отмечена выборочно: венгры-мадяры – 22 чел., немцы – 13 чел., поляков – 12, чехов – 10, турок – 9, русинов – 8, австрийцев – 7, словаков – 7, хорватов – 5, евреев – 5, румын – 4, молдаван – 4, «славянинов» – 3, словенцев – 2, сербов – 1, украинцев – 1. Проблема идентификации военнопленных по этническому признаку заключается в том, что среди, например, данного списка из 300 человек, доподлинно удалось установить национальность только 113 человек, в остальных случаях указано лишь гражданство [2. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–8, 13–15]. Подавляющее большинство составляли подданные титульных народов Австро-Венгрии.

Значительное число военнопленных зафиксировано как содержащиеся в европейской зоне Российской империи. В частности, по регионам данная ситуация выглядела следующим образом: Киев, Винница, Воронеж, Петроград. Большинство военнопленных на момент их побега концентрировались на Украине, в центральных губерниях России, небольшая часть – в Поволжье, в Перми, на Урале и в Сибири [2. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–8, 13–15]. Логично предположить, что на побег решались те военнопленные, которые содержались в западных и центральных губерниях империи, располагавшихся ближе к театру боевых действий. Очевидно, определенную роль играл и языковой фактор. Соответствующий вывод продиктован минимальным количеством турецких военнопленных. Более высокий удельный вес военнопленных венгров, австрийцев и немцев среди сбежавших характеризует их непримиримое отношение к России как чуждому государству по этническому и, возможно, по религиозному принципу.

Примечательно, что количество беглецов-чехов незначительно, вероятно, большинство из них добровольно вливались в лояльные царскому, а затем и Временному правительству национальные формирования.

На местах с определенной периодичностью уточнялись списки военнопленных. В Симбирской губернии они составлялись по национальному признаку с учетом предстоящей кампании по созданию славянских отрядов. Так, накануне революции только в одном уезде, по данным уездного земства, работали 45 военнопленных, из них словаков – 14, чехов – 31. В среднем в каждом населенном пункте работали от одного до восьми военнопленных: чехов обычно больше, чем словаков [2. Оп. 2. Д. 14. Л. 8].

В заключительной части документа под названием «Сведения о содержании военнопленных» указывалось на огромные масштабы бегства военнопленных. По мнению составителя документа Самцова, подобное объяснялось крайне низкой дисциплинированностью и непрофессионализмом российских служащих, в первую очередь железнодорожных, в обязанности которых входил контроль за передвижением направленных на принудительные работы пленных, особенно к частным работодателям. В доказательство Самцов привел факты, выявленные при допросе беглого военнопленного австрийской армии, рядового 65-го пехотного полка Сумрачевского. По официальным данным Сумрачевский в июне 1914 г. попал в плен, впоследствии его отправили в Сибирь,

из Сибири он попал в Харьков, затем – в Херсонскую губернию на полевые рудники, где помимо него работали более 200 военнопленных. За все время, пока он передвигался по железной дороге, у него ни разу не проверили документы. На переезде через Буг караульный начальник принял Сумрачевского за беженца из Одессы и беспрепятственно пропустил на другой берег реки. По словам Сумрачевского на допросе, из плена бежали подобным образом более десяти человек. После задержания он был отправлен в Екатеринославль, в имение князя Урусова, где работали 60 военнопленных. Какая-либо охрана или надзор за ними отсутствовали, пленные свободно перемещались на расстоянии 50 верст. Из-за отсутствия должного питания и содержания до 20 военнопленных сбежали из имения, главным образом по железной дороге, не имея каких-либо документов. Подобные же сведения во время допроса сообщил военнопленный австрийской армии Петр Сеинганович, попавший в плен в ноябре 1914 г. Вместе с другими военнопленными его отправили в Ташкент, затем он попал в Харьков, также в имение Урусова, где также царили голод и антисанитария. Поэтому он и его соотечественник Моргалъ бежали, не столкнувшись во время «путешествия» по железной дороге с какими-либо препятствиями [2. Оп. 1. Д. 3. Л. 23].

Как уже указывалось выше, значительная часть военнопленных-славян предпочитала воевать в составе российской армии в национальных формированиях. Для того чтобы привлечь на свою сторону колеблющихся, российская администрация разработала особые правила содержания военнопленных-славян в лагерях и рассылала их губернским властям. Подобный документ сохранился в Государственном архиве Ульяновской области [2. Оп. 2. Д. 14]. Изначально правила разрабатывались для польских военнопленных исходя из этнической близости поляков-подданных Российской империи и мобилизованных на территории Австро-Венгрии и Германии. Затем эти правила были распространены на чешских военнопленных.

Документ состоял из 14 пунктов. Находящимся в концентрационных лагерях военнопленным полякам предоставлялось право иметь своих выборных представителей для контакта с военными и административными властями, почтовых уполномоченных, своих кашеваров и медиков из пленных для лечения и обеспечения санитарного надзора. Польские военнопленные могли «более широко пользоваться прогулками вне лагеря» с соответствующим присмотром (а, следовательно, покупать необходимые товары на местных рынках), получать и читать книги и периодику на польском языке, официально разрешенные в России, устраивать библиотеки. Согласно правилам, поляки имели возможность переписываться на польском языке с польскими общественными организациями и частными лицами, а также военнопленными из других лагерей, с соблюдением, конечно, правил военной цензуры. Существенные послабления вводились в отношении вероисповедания. Поляки имели возможность без каких-либо ограничений посещать богослужения, к ним допускались духовные лица для удовлетворения религиозных нужд в лагерях и других местах их пребывания с условием обязательного присутствия представителей местных властей. По согласованию с командующим округа полякам разрешалось организовывать кассы взаимопомощи.

Среди польских военнопленных выделялись несколько особых категорий: инвалиды и больные, офицеры и представители интеллигентных профессий, одногодичные вольноопределяющиеся и др. Им, по согласованию в каждом отдельном случае с Главным управлением Генерального штаба и согласия командующего войсками округа, предоставлялось право жительства на частных квартирах. При этом требовались поручительство Центрального отдела Совета польских организаций, владельцев квартир или других частных лиц, а также подпись на документе об отказе от побега.

Представителям указанных категорий предоставлялась возможность заниматься свободным трудом в соответствии с их подготовкой и квалификацией, в частности, им разрешалось работать в польских организациях по оказанию помощи жертвам войны. По согласованию с командующим войсками округа на основании ходатайства польской организации польские военнопленные могли быть переведены из одного пункта содержания в другой, особенно если там находились братья или другие близкие родственники.

Предоставлялись определенные возможности для ознакомления с условиями быта военнопленных представителями польских организаций с целью оказания им материальной помощи и поддержки. Ответственность за соблюдение порядка возлагалась на центральные отделы, контролировавшие соответствующих представителей. На основании разрешения командующего войсками округа Главным управлением Генерального штаба выдавались именные удостоверения на право посещения мест водворения пленных. Военнопленным полякам предоставлялась возможность вступать в брак при соблюдении общих правил для представителей всех славянских народов.

Военный министр полковник Якубович официально утвердил документ в ноябре 1917 г. с уточнением, что подобные правила распространяются на военнопленных чехов и словаков. Значительная доля ответственности за соблюдение правил возлагалась на отделение Чехословацкого национального совета.

Военные ведомства, курирующие военнопленных, были заинтересованы в скорейшем проведении мобилизации военнопленных славян в национальные формирования русской армии, так как это снижало затраты на их содержание (закупку продуктов питания, строительство новых барачных по всем санитарным нормам), а кроме того уменьшало возможность потенциальных межнациональных конфликтов с военнопленными мадьярами, немцами и австрийцами. Надо также иметь в виду, что реализация «правил» на практике затруднялась из-за напряженности со стороны военнопленных неславянских народов, недовольных односторонними послаблениями для своих вчерашних собратьев по оружию.

Многие чехи и этнически близкие к ним словаки искренне хотели сражаться в составе национальных вооруженных формирований против австрийской и германской армий. Из числа этнических чехов, проживавших на территории Российской империи, стали формироваться национальные отряды, которые известны в современной литературе как чешские дру-

жины, ставшие основой формирования в дальнейшем чешских национальных подразделений. Очевидно, эта работа активно проводилась в течение всей Первой мировой войны. Февральская революция 1917 г. по сути не изменила характера этой работы. Так, в июне 1917 г. с целью создания чехословацких подразделений Главное управление Генерального штаба выработало основные положения о формировании чехословацких войсковых частей из семи пунктов. Согласно первому, право формирования чехословацких воинских частей делегировалось военной комиссии при штабе Киевского военного округа. Данный округ непосредственно располагался в зоне соприкосновения с австро-венгерской и германской армиями, на его территории функционировал крупнейший лагерь для военнопленных — Дарницкий. Второй пункт предусматривал создание центрального органа из представителей чехов и словаков, а до начала его работы возлагал набор добровольцев на Союз чехословацких обществ в России. Наличие этого пункта свидетельствует о высоком уровне доверия российского общества и Временного правительства к чехословацким общественным организациям, которые в течение длительного периода времени проводили активную пропагандистскую работу среди соотечественников. Механизм организации набора добровольцев отражен в третьем пункте. Означенный центральный орган в перспективе должен был создать особую комиссию, члены которой под контролем центрального органа особых уполномоченных должны были провести поименную перепись добровольцев из числа военнопленных чехов и словаков и выбрать из них благонадежных. Четвертый пункт этого документа возлагал на офицеров русской армии обязанность сопровождать уполномоченных в распоряжение начальника Киевского военного округа. Пятый пункт допускал возможность привлечения пленных чехов и словаков, имевших профессиональную техническую квалификацию, на работу на предприятия российской промышленности. Последними двумя пунктами предписывалось отправлять добровольцев отдельными партиями в распоряжение штаба Киевского военного округа на сборные пункты для формирования чехословацких войсковых частей.

Документ, хранящийся в Ульяновском областном архиве, предназначался симбирскому губернскому комиссару. Вероятно, что подобные документы направлялись и в другие губернии [3. Л. 1–4].

В губерниях и уездах проводилась разъяснительная работа среди чешских военнопленных силами специальных национальных отрядов. Так, например, прапорщик 1-го чехословацкого стрелкового полка имени Яна Гуса Карел Горних официально получил удостоверение за подписью начальника штаба Казанского военного округа от 27 ноября 1917 г. для проведения в Симбирском и Карсунском уездах Симбирской губернии набора чешских и словацких добровольцев из числа военнопленных австрийской армии [3. Л. 8]. Подобные чешские пропагандисты являлись агентами-проводниками идеи организации военных подразделений. После официальных встреч чешских военнопленных с делегируемыми к ним представителями проходили обсуждения и дискуссии, затем военнопленные принимали решение, писали коллективное прошение с указанием количества чешских добровольцев и их фамилий, данных об уплате ими национального налога в пользу Петроградского

отделения Национального совета, подтверждая таким образом желание зачисления в национальные подразделения. Например, в 1917 г. к Курмышскому уездному комиссару с официальным прошением обратилась группа из 38 военнопленных чехов. Они писали о нежелании оставаться в составе Австро-Венгерского государства, выражали готовность добиваться независимости путем вооруженной борьбы в качестве союзников России в соответствии с решением проходившего в Киеве Чехословацкого национального съезда с участием российских подданных чехов и делегатов чешской стрелковой бригады [З. Л. 6–7].

Следует отметить сохранявшийся дефицит промышленных кадров и технических специалистов в промышленном секторе, ориентированном на нужды фронта. Поэтому, руководствуясь решениями Временного правительства, администрация на местах предпринимала усилия для направления квалифицированных, технически подготовленных чешских и словацких работников на оборонные заводы. В связи с этим во всех губерниях уездным комиссарам и начальникам городской милиции за подписью заместителей губернских комиссаров направлялись предписания отправлять в армию только тех добровольцев, которые не имели нужной квалификации. Аналогичный документ получили и в Симбирской губернии [З. Л. 12].

Но и фронту требовалось подкрепление, поэтому Временное правительство и создавало национальные формирования не только из чехословаков, но и поляков, эльзасцев и румын, скорее всего придерживаясь тех принципов, которые соблюдались при формировании чехословацких отрядов.

В августе 1917 г. по уездам Симбирской губернии за подписью губернского комиссара были направлены телеграммы, в которых, со ссылкой на соглашение между союзниками, объявлялся официальный набор добровольцев из числа представителей вышеуказанных национальностей [З. Л. 14].

Однако на местах политика царского, а затем и Временного правительства по созданию национальных военных формирований, сражающихся против австро-венгерской и германской армий, начальным этапом которой было смягчение условий содержания военнопленных-славян, не всегда находила понимания. В частности, 30 мая 1917 г. симбирский временный комиссар Временного правительства в обращении к уездным комиссарам губернии со ссылкой на телеграмму из штаба Казанского военного округа за № 12816 указывал на необходимость улучшения положения военнопленных славян. Он привел многочисленные факты нарушений правительственных распоряжений со стороны администрации лагерей. Подобное положение вещей в значительной мере объяснялось непродуманной кадровой политикой, назначением на соответствующие должности людей, далеких от понимания идеи славянского единства или просто некомпетентных. Военнопленные-славяне часто жаловались на руководство лагерей, обвиняли его в грубости, унижениях, побоях. Они указывали на изнурительные работы, отвратительное питание, несоответствие помещений санитарным требованиям, дефицит одежды, белья и обуви, отсутствие должной заботы о больных, низком уровне заработной платы и ее задержки, на несоблюдение в лагерях принципа раздельного содержания

славян и национальных групп немцев и мадьяр. Австрийцы, немцы, мадьяры негативно воспринимали чешскую пропаганду. В отдельных случаях фиксировались факты агрессии с их стороны. Так, например, в октябре 1917 г. губернский комиссар, инспектор милиции Бонч-Осмоловский по Симбирскому региону зафиксировал избиение немцами и мадьярами военнопленных чехов за их желание вступить в добровольческие войсковые части [2. Оп. 2. Д. 14. Л. 72]. Поэтому военный министр приказал соответствующим структурам провести тщательное обследование условий содержания военнопленных-славян во вверенных округах с устранением всех негативных проявлений [2. Оп. 2. Д. 14. Л. 60–61].

Предпринятые меры несколько улучшили ситуацию. Так, например, начальник Буинской уездной милиции сообщал уездному комиссару о судьбе и положении 288 военнопленных славян, сконцентрированных в Буинском уезде. По его сведениям, славяне содержались изолированно от немцев и мадьяр, они проживали в разных селениях уезда и никаким притеснениям не подвергались, все их просьбы по улучшению быта немедленно удовлетворялись. Официальные структуры, согласно отчетности, предпринимали все меры по предоставлению славянским военнопленным льгот и расселению их на предстоящие осень и зиму в отдельных от немцев и мадьяр помещениях [2. Оп. 2. Д. 14. Л. 59].

Но к подобным источникам нужно относиться с осторожностью: известно, что они могут представлять собой отписки или не соответствовать действительности из желания продемонстрировать служебное рвение. Поэтому некоторые сообщения с мест в ряде случаев требуют перепроверки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 83. Оп. 28, Д. 171.
2. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 676.
3. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 677.